

ДРЕВНЕРУССКОЕ ПРАВОСЛАВИЕ О ПУТЯХ ДУХОВНО- ПРАВСТВЕННОГО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЛИЧНОСТИ

Т.Н. Сыманович

(УО МГПУ им. И.П. Шамякина, Мозырь)

В этической доктрине Православия наряду с разработкой целевой и содержательной сторон нравственного воспитания большое внимание уделялось определению способов воспитательного воздействия на личность. Педагогическая мысль Киевской Руси отражает в себе прообразы, зачатки методов нравственного воспитания, которые развивались в последующие периоды и существуют в настоящее время, представленные различными педагогическими классификациями. Как отмечает К.В. Гавриловец, в педагогической практике предшествующих эпох найдены достаточно эффективные пути, методы и приёмы морального совершенствования личности [1, 18].

Наиболее распространённым методом воспитания в этико-педагогическом наследии древнерусского Православия был метод убеждения, призванный содействовать формированию нравственного сознания индивида, взглядов, понятий, установок поведения. Древнерусские просветители считали своей первейшей обязанностью разъяснить людям сущность моральных требований, их смысл и значение в нравственном совершенствовании, а самое главное – убедить человека в том, что смысл его жизни состоит в достижении победы духа над плотью, в приближении к нравственному идеалу.

Следует отметить, что применение метода убеждения в воспитательной практике рассматриваемого периода отличается от его современного использования и трактовки. В современной педагогике убеждение предполагает разумное доказательство определенного понятия, нравственной позиции, строится на использовании чёткой логической аргументации [2, 17]. В средневековой же педагогике, как справедливо отмечает М.Н. Громов, в основном использовалась нерассудочная

аргументация [3, 40]. Исходя из представления об изначальной предрасположенности человека к добру, авторы учительной и житийной литературы стремились воздействовать отчасти на интеллектуальную, но, в основном, на эмоциональную сферу личности. Так, например, в «Сказании, страсти и похвале св. мучеников Бориса и Глеба», авторство которого приписывается черноризцу Иакову, при наставлении совершенствовать «своё естество» выдвигается следующий аргумент: «Вольное мучение есть подражание Христу» [4, 29]. По мысли автора «Сказания», такой аргумент должен был затронуть сокровенные стороны души верующего человека, оказать на него сильное эмоциональное воздействие. В то же время, с целью закрепления вызванной эмоциональной реакции «Сказание» выделяет момент бессмысленности суеты мира и власти: «Что бо приобретала прежде братия отца моего или отец мой? Уже все се им какы не было николи же, вся с ними исчезала...» [4, 28].

Феодосий Печерский при использовании метода убеждения также делал акцент на эмоциональном воздействии, он опирался на заложенное в каждом человеке желание стать лучше, совершеннее. В «Слове о терпении, и о любви, и о посте» мыслитель призывает: «Да не уподобимся тем роптивым, которые чрева ради пали в пустыне» [5, 157].

В печёрской идеологии метод убеждения использовался в полном соответствии с традицией, заложенной Иоанном Златоустом: «Оградим их со всех сторон советами, увещеваниями, страхом и угрозами» [6, 788].

Мастером словесного воздействия на сознание людей являлся Кирилл Туровский. Поучения. Слова, молитвы туровского мыслителя были нацелены на то, чтобы сформировать в человеке стремление стать высоконравственной личностью. Кирилл говорил о том, что именно через познание окружающего мира с позиций веры, через подавление в себе греховного, плотского начала индивид может приблизиться к идеалу нравственности. Мыслитель убеждал, что нравственный человек имеет ум истинный, размышляющий [7, 193]. Кирилл призывал: «Давайте не просто проговорим языком, написанное произнося, но, с рассуждением вчитавшись, постараемся делом исполнить это» [7, 193]. В произведениях туровского Златоуста неоднократно обращается внимание на то, что приобретение к знанию не только делает достоянием индивида определенную систему ценностей и моральных норм, но также и пробуждает в нём желание духовного роста.

Кирилл Туровский, убеждая человека принять строгую духовную дисциплину, обращался к его чувствам и эмоциям. В «Повести о белоризце-человеке и о монашестве» философ внушает: «Те, кто ради Господа оставит и отца, и мать, и имущество... сторицею примут, и жизнь вечную наследуют» [7, 208]. Вот почему «всякий христианин должен стремиться принять на себя иноческий образ» [7, 208]. Однако Кирилл с сожалением отмечал, что «не любят мирские люди этого держать» [7, 204].

Внушение предполагает опосредованное, через чувства, воздействие на волю человека. При этом у индивида должно возникнуть желание быть не хуже, а в чём-то и лучше других. По этой причине туровский мыслитель в свои проповеди вносит и соревновательный компонент: «...преуспевайте друг перед другом в алкании, и в бдении, и в молитвах, и в трудах, чтобы не пришлось нам, ослабевшим от объедения и пьянства, и плотских похотей, очутиться в адской пустыне и там быть растерзанными геенскими зверьми...» [7, 208].

Обращаясь к человеку, Кирилл Туровский широко использует аллегорические образы, как, например, в «Притче о человеческой душе и теле». Такой приём был призван оказать сильное эмоциональное воздействие на личность. По мнению И.П. Ерёмкина, евангельский сюжет в «словах» и притчах Кирилла Туровского, приобретает характер своеобразного лирического стихотворения в прозе [8, 126].

В этической доктрине древнерусского Православия метод убеждения находился в тесном взаимодействии с методом положительного примера. Восточнославянские просветители не только поучали, наставляли, разъясняли, каким образом человек может стать совершеннее, какие нравственные качества он должен в себе развивать, но и обращали внимание на конкретные примеры тех, кто сумел в себе развить требуемые моральные свойства, чья жизнь является образцом нравственного поведения.

Метод положительного примера выходит на первый план в воспитательных идеях агиографической литературы. Собственно, агиографическая литература одной из своих целей как раз и ставила показ правильной, с её точки зрения, модели поведения, образы тех, кому удалось достичь высших духовных высот. Агиографическая литература конкретизировала христианские ценности, указывала на возможность духовного совершенствования, достижения в реальной жизни нравственного идеала. В «Житии Феодосия» в качестве положительного примера выступает сам печерский игумен. Нестор пишет, что Феодосий, «не бо ником же бе напраси, ни гневлив, ни яр очима, но милосерд и тих» [4, 53]. Вся его жизнь состоит из молитвы, учительства и труда. Отсюда и назидание читателю – человек должен стремиться к гармонизации деятельной и молитвенной жизни.

В произведениях Киево-Печёрского патерика положительный пример представлен в образе инока, всю свою жизнь посвятившего борьбе с телесными страстями. Один из героев повествования – Николай Святоша (Святослав), первый князь-инок на Руси. Его никто не видел праздным: работа на огороде, изготовление одежды сопровождалась постоянными молитвами; свои большие средства он употреблял на помощь бедным и на «церковное строение» » [4, 64]. В качестве примера для подражания авторы Киево-Печерского патерика приводят и образ жизни инока Прохора Лебедника, который по-своему служил людям. Поликарп,

агиограф Прохора, отмечает: «Бысть житие его яко единого от птиц ... неоранне земле ненасеянна пища бываше ему» [4, 65]. Во время голода святой занимается благотворительностью. Он печёт свой хлеб из лебеды для множества проходящих, и горький хлеб чудесно становится сладким [4, 65]. Мирянам, обыкновенным людям, тем самым показывается, что, имея истинное человеколюбие, чистые помыслы, можно творить чудеса, в данном случае – спасти людей от голода.

Как видим, иноки, являясь духовными наставниками мирян, сами старались неукоснительно следовать тому, чему учили и проповедовали. И это закономерно, т.к. метод положительного примера только в том случае будет оказывать эффективное воспитательное воздействие на личность, если сам воспитатель является образцом для подражания.

Следует отметить, что образ жизни героя-подвижника, стоявшего в центре агиографической литературы, не имел достаточно тесной связи с реальностью, повседневными заботами широких кругов населения. Нельзя утверждать, что демонстрируемый агиографами пример для подражания находил большой практический отклик. Идея подвижничества во многом оставалась идеей, высшим образцом, которым должно восхищаться и которому следует поклоняться [9, 52]. Но, тем не менее, те эпизоды житийной литературы, которые повествуют о щедрости иноков, нестяжании вызывали живейший отклик у наиболее просвещенных кругов феодального общества.

Житийная литература Древней Руси также демонстрировала примеры жизни тех людей, которые раньше вели жизнь греховную, безнравственную, а затем путем собственного духовного совершенствования смогли победить в себе зло и приблизиться к нравственному идеалу. Например, столпник Никита Переяславский, за спиной у которого лихоимство, страсти, затем сменившиеся суровым покаянием. Такой пример показывает рядовому человеку, что начать восхождение к вершинам духовности никогда не поздно, у каждого есть возможность стать лучше, добрее, совершеннее. Главное – осознать необходимость покаяния и приложить все усилия для подавления внутри себя дурных помыслов.

Житийная литература, наделяя своих героев рядом характерных черт, в их числе называет и просвещенность. В «Житии Авраамия Смоленского» представлен положительный герой большой нравственной силы. Наряду с совершением аскетического подвига, «пребывая в бдении и алкании день и ночь», Авраамий ревностно предаётся книжному чтению, создаёт в Смоленске библиотеку [4, 79]. В монастыре просветитель изучал произведения Иоанна Златоуста, Ефрема Сирина, жития святых, занимался перепиской книг [10, 30]. Монашеская келья Авраамия стала своего рода культурно-интеллектуальным центром

Смоленска. Многие миряне приходили к инок ради «утешения из святых книг» [4, 83].

Идея служения людям, самоотверженная любовь к своей земле демонстрируется примером жизни Александра Невского. В «Житии» мы читаем: «Страшен ратоборец быв, на мнозех бранях мужество своё показав и добрый нрав. И всякими добротами украшен, бяше же уветлив и церкви украшая...и нищия любя и на все праздники...милостыню дая» [4, 109]. В образе Александра нет ничего аскетического, но его высокая нравственность выражается в самоотверженной любви к Родине, в нищелюбии, в заботе «о слабых, сирых и вдовещях» [4, 111].

Пример Александра Невского демонстрирует, что высокая нравственность возможна и без аскезы, но обязательно должны присутствовать преданность своей земле и народу, человеколюбие.

Использование образа Александра Невского при применении метода положительного примера привносило достаточно большую эмоциональность в воспитательный процесс, побуждало в человеке желание «отдать душу за други своя», выступить в качестве защитника слабых и обездоленных, патриотические чувства. Необходимо подчеркнуть, что в данном случае присутствует связь нравственного воспитания с патриотическим. В последующие периоды развития этико-педагогической мысли эта связь будет всё более укрепляться и на государственно-идеологическом уровне найдет свое выражение в утверждении, что нравственным является то, что прежде всего полезно государству.

При использовании метода положительного примера большую роль играет личность самого наставника. Только тот воспитатель может оказать влияние на своего ученика, кто вызывает доверие, уважение, является непререкаемым авторитетом. Пример положительного мыслителя, учителя описал Кирилл Туровский. В «Слове о премудрости» мыслитель делает акцент на том, что в качестве учителя, духовного наставника может выступать лишь высоконравственный человек, смиливший свою гордыню [11, 79]. Мудрый книжник, являющийся носителем истинного и глубокого знания, не только просвещает людей, но и является образцом для подражания. Кирилл утверждает: «Да аще будеши послушлив, и умякчиши землю сердечную ... нъ инемъ будеши раздавая требующим того же: первое притчам разрешение книжным, потом неразумным словом разрешение и всему писанью толкованье» [11, 79].

При определении путей духовно-нравственного совершенствования личности древнерусские мыслители придавали большое значение самовоспитанию, важнейшие средства которого – самопознание и покаяние. Использование рассмотренных выше методов в сочетании с предоставлением личности определённой нравственной свободы открывало широкие перспективы в развитии педагогической мысли,

которые нашли своё отражение на современном этапе развития теории и практики нравственного воспитания.

Литература

1. Гавриловец, К.В. Воспитание человечности / К.В. Гавриловец. – Минск: Народная асвета, 1985. – 183 с.
2. Русское проповедничество. Исторический его обзор и взгляд на современное его направление. – Санкт-Петербург: Тип. журнала «Странник», 1871. – 444 с.
3. Громов, М.Н., Памятники древнерусской литературы как источник изучения раннего этапа отечественной педагогики // Просвещение и педагогическая мысль Древней Руси (Малоисследованные проблемы и источники): сб. науч. тр. / Академия пед. наук СССР, НИИ общей педагогики; под. ред. Э.Д. Днепров. – М., 1983. – С. 35–44.
4. Хрестоматия по древнерусской литературе / Сост. А.Н. Ужанков. – М.: Русский язык, 1991. – 302 с.
5. Федосий Печерский. Слово о терпении и о любви // Златоструй. Древняя Русь X–XIII вв. – М.: Молодая гвардия, 1990. – С.154–156.
6. Иоанн Златоуст. О воспитании. – М.: Паломник. – 903 с.
7. Кирилл Туровский. Притча о человеческой душе и теле // Златоструй. Древняя Русь X–XIII вв. – М.: Молодая гвардия, 1990. – С. 193–202.
8. Ерёмин, И.П. Ораторское искусство Кирилла Туровского / И.П. Ерёмин // Литература Древней Руси: Этюды и характеристики. – М.-Л.: Наука, 2006. – С.132–143.
9. Мальцева, В.М. нравственное воспитание в православной традиции образования дореволюционной России / В.М. Мальцева // Историко-педагогический процесс и современные проблемы образования: методология, идеи, опыт: тез. докл. и выступл. на XIV сес. Науч. Сов. По проблемам истории образования и пед-ки Рос. акад. образования. – М., 2003. – С. 121–123.
10. Асветнікі зямлі беларускай X – пач. XX стст. Энцыклапедычны даведнік. – Мінск: Беларуская Энцыклапедыя, 2001. – 956 с.
11. Кирилл Туровский. Слово о расслабленном от бытия и от Сказания Евангельского // М.: Молодая гвардия, 1990. – С. 209–213.